

[Илья Муромец на заставе богатырской]

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарских,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман был Илья Муромец,
Податаманье был Добрыня Никитич млад,
Есаул Алеша Поповский сын,
Еще был у них Гришка Боярский сын,
Был у них Васька Долгополой.
Все были братцы в разъезде:
Гришка Боярский в те-пор кравчим жил,
Алеша Попович ездил в Киев-град,
Илья Муромец был в чистом поле,
Спал в белом шатре,
Добрыня Никитич ездил ко синю морю,
Ко синю морю ездил за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою,
На охоте стрелять гусей, лебедей.
Едет Добрыня из чиста поля,
В чистом поле увидел ископоть великую,
Ископоть велика — полпечи.
Учал он ископоть досматривать:
— Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския!

Приехал Добрыня в стольный Киев-град,
Прибирал свою братию приборную:
— Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
Мы что на заставушке устояли.
Что на заставушке углядели?
Мимо нашу заставу богатырь ехал!
Собирались они на заставу богатырскую.
Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком?

Положили на Ваську Долгополого.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, полóжили;
У Васьки полы долгия,
По земле ходит Васька — заплетается,
На бою — на драке заплетется,
Погинёт Васька по-напрасному.

Положились на Гришку на Боярского:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистóм поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, удúмали,
Гришка рода боярского:
Боярские роды хвастливые,
На бою-драке призахвастается,
Погинёт Гришка по-напрасному.

Положились на Алешу на Поповича:
Алешке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистóм поле,
Побить нахвальщика на чистóм поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, полóжили:
Алешинька рода поповского,
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, сéребра, —
Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша по-напрасному.

Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чистóм поле,
Побить нахвальщика на чистóм поле,
По плеч отсечь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.

Походит Добрыня на конюший двор,
Имает Добрыня добра коня,
Уздает в уздечку тесмянную.
Седлает в седлышко черкаское,
В торока вяжет палицу боёвую,
Она свесом та палица девяносто пуд,
На бедра берет саблю вострую,
В руки берет плеть шелковую,
Поезжает на гору Сорочинскую.
Посмотрел из трубочки серебряной:
Увидел на поле чернizinу;
Поехал прямо на чернizinу,
Кричал зычным, звонким голосом:
— Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братию наборную?
Учул нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попушал на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу богу возмолится
И мати пресвятой богородице:
— Унеси, господи, от нахвальщика.
Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую.
Илья Муромец встречает его
Со братиею со приборною.
Сказывает Добрыня Никитич млад:
— Как выехал на гору Сорочинскую,
Посмотрел из трубочки серебряной,
Увидел на поле чернizinу,
Поехал прямо на чернizinу,
Кричал громким, зычным голосом:

«Вор, собака, нахвальщина!
Зачем ты нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью на приборную?»
Услышал вор-нахвальщина зычен голос,
Поворачивал нахвальщина добра коня,
Попушал на меня, добра молодца:
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалась,
Подо мною конь на коленца пал.
Тут я господу богу возмóбился:
«Унеси меня, господи, от нахвальщика!»
Подо мной тут конь посправился,
Уехал я от нахвальщика
И приехал сюда, на заставу богатырскую.

Говорит Илья Муромец:

— Больше некем заменить,
Видно ехать атаману самому!
Походит Илья на конюший двор,
Имает Илья добра коня,
Уздает в уздечку тесмянную,
Седлает в седлышко черкаское,
В торока вяжет палицу боёвую,
Она свесом та палица девяноста пуд,
На бедра берет саблю вострую,
Во руки берет плеть шелковую,
Поезжает на гóру Сорочинскую;
Посмотрел из кулака молодецкого,
Увидел на поле чернizinу,
Поехал прямо на чернizinу,
Вскричал зычным, громким голосом:
— Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Мне, атаману Илье Муромцу, челом не бьешь?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью наборную?

Услышал вор-нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добра́ коня,
Попушал на Илью Муромца.
Илья Муромец не удрóбился.
Съехался Илья с нахвальщиком:
Впéрвые палками ударились, —
У палок цевья отломались,
Друг дружку не ранили;
Саблями острыми ударились, —
Остры сабли приломались,
Друг дружку не ранили;
Острыми копьями кололись, —
Друг дружку не ранили;
Бились, драли́сь рукопашным боём,
Бились, драли́сь день до вечера,
С вечера бьются до полу́ночи,
Со полу́ночи бьются до белá света.
Махнет Илейко ручкой правою, —
Поскользйт у Илейка ножка левая,
Пал Илья на сыру́ землю;
Сел нахвальщина на белы́ груды́,
Вынимал чинжали́ще булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову.
Еще стал нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старик, старый, матёрый!
Зачем ты ездешь на чистó поле?
Будто некем тебе, старику, замениться?
Ты поставил бы себе келейку
При той путé — при дороженьке,
Сбирал бы ты, старик, во келейку,
Тут бы, старик, сыт-питанён был.
Лежит Илья под богатырём,
Говорит Илья таково́ слово:
— Да не ладно у святых отцёв написано,
Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцёв,
Удумано было у апостолов:

«Не бывать Илье в чистом поле убитому»,
А теперь Илья под богатырём!

Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнёт нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового,
Пал нахвальщина на сыру землю,
В сыру землю ушел дó-пояс,
Вскочил Илья на резвы ногы,
Сел нахвальщине на белы груди.
Недосуг Илюхе много спрашивать, —
Скоро спорол груди белыя,
Скоро затьмил очи ясныя,
По плеч отсек буйну голову,
Воткнул на копье на булатное,
Повез на заставу богатырскую.
Добрыня Никитич встречает Илью Муромца
Со своей братьей приборною.
Илья бросил голову о сыру землю,
При своей братье похваляется:
— Ездил во поле тридцать лет, —
Экого чуда не наезживал!

(Записано Кузмищевым в Шенкурском уезде Архангельской губ. и доставлено П. В. Киреевскому от М. П. Погодина.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, 1860.